

Часть пятая

Мать

Глава 1

1

Боша, оказывается, в предотъездный день с Востока, в ту ночь, когда она осталась одна в новой квартире, она не коротала ее в одиночестве в ожидании моего приезда, чтобы ехать рано утром со мной в аэропорт, она сразу позвала туда Макса, и часть ночи они успели провести вдвоем.

Она хотела рассказать мне утром и даже делала какие-то попытки, как я потом вспоминал, так ведь хотелось поделиться приключением, но я не проявил интереса, потому что был утомлен уже ею и на нее зол. И она не стала говорить, но, оказывается, с этой ночи она и понесла. И когда задумалась о задержке, она никому о Максе уже говорить не стала, ни мне, ни родителям, ни Петру, разве что проговорила своим подругам, одна из которых потом ее еще и шантажировала, но поскольку сделала ставку на Петра, она решила списать отцовство на него, на подвернувшегося, выбрав примером, кстати, мою Иришку в период ее распутной и разгульной молодости, почему-то именно к этому угарному состоянию испытывая неподдельное влечение. (Я-то всю ситуацию определил интуитивно и вычислил уже через несколько месяцев, а потом по времени рождения ребенка удостоверился в своих предположениях вполне: у женщин с таким телом, с такими бедрами, как у нее, не бывает недоношенных

детей, дети у них рождаются по истечении девяти месяцев день в день, и они в принципе не могут дать осечку). Так что никто ничего не знал, даже сам Макс, но, тем не менее, именно тогда она сделалась беременной.

Хотя поначалу не была уверена и сама. Она только подозревала, и когда я вернулся седьмого мая из Туниса, мы даже еще сумели поругаться по старой памяти. Поводом для чего явилось то, что я не стал подниматься к ней домой, когда привез ее с производства, пусть даже Петра в это время дома не было, сказав, что ее кот там все пометил и мне подниматься в их квартиру уже неприятно, пусть я даже и принял в съеме ее непосредственное участие.

Она вспылила, обидевшись за своего избранника, она же хотела, видимо, чтобы с ее избранником все жили душа в душу. Это же ее избранник, в конце концов. Но заставить меня любить его она была не в состоянии.

— Ты права, сказал я, — не изменяй ему. — Ты вон даже целоваться перестала с другими. И его выгораживаешь, молодец. Достойно уважения. Пока живешь с ним, даже целоваться не буду просить тебя. Но если ты удержишься с ним надолго, презираю.

Так что утешать ее я не стал, и мы расстались очень холодно.

В следующие дни она несколько раз делала попытку закончить со мной по телефону. С праздником поздравила. Потом зачем-то сбросила смску, просила позвонить. Мы что-то промямлили по телефону. Потом я перезвонил и сказал: если не возражаешь, давай куда-нибудь съездим, выпьем, поговорим. Чтобы как-то все ввести в нормальное русло. Но только вдвоем с тобой. Я не готов пока к большему.

Встретились. Я ей дал прослушать свою лекцию о них, поскольку компьютера у нее не было и письма мои она не читала. Потом пошли в «Однажды в Америке». Я сидел напротив нее и смотрел, как она ест. Конечно, не все ж сидеть на макаронах. И потом все-таки согласился взять их обоих к Иришке в выходные, о чем она так мечтала: показать Иришке своего милого, может быть, получить одобрение, было ее жгучим желанием. А заодно и поговорить по душам, как они делали с Иришкой в прежние дни, целые ночи. У нее даже глаза загорелись. И во-

обще, в ресторане она стала красива. Это опять после соприкосновения с моим миром, не потому, что я все-таки смирился и согласился взять Петра с собой в поездку к Иришке и как бы в благодарность ко мне за мое смирение (я на такую тонкость и деликатность с ее стороны, честно сказать, и не рассчитывал), хотя в какой-то степени это имело место, а потому что опять соприкоснулась с моим, слушая написанную для них лекцию. Снова включилась в мое. И в отдельной комнате, да и во всем ресторане днем, где мы сидели практически одни, она была красавицей. Я даже через стол несколько раз наклонялся потормозить ее от избытка нежных чувств, чего давно к ней не испытывал, и даже поцеловал через стол в губы. В отличие от того момента, когда, покатавшись после ресторана на машине, поехали к ней домой, и на подъезде к ее дому она мысленно подсоединилась к своему милому и стала некрасива. Я ей сказал об этом, и какие позы и ужимки она, смеясь, ни делала, красота к ней уже не вернулась. Но меняется в несколько минут, Боша. Духовной и красавицей становится не по прошествию годов, а в несколько минут. Боша, фантастика!

Но так хорошо мне было.

Взять Петю к Иришке. Чтоб хотя бы установить мирные отношения. Вписаться в доверие. Пусть будет так.

2

Что ж, брал!.. С условием, что не будут «обжиматься». Повзрослому себя вести. Иришка еще их сразу предупредила: спать мужчины будут в одной комнате, а девочки в другой, то есть они с Наташей, а Петр в комнате со мной и Димой. Иришке совсем не хотелось напряженной обстановки, поэтому она и придумала такой расклад.

Долго сидели за столом, мысленно я прозвал Петра грифом, потому что он имел длинную шею и на еду накидывается как хищник.

Сходили в гости к соседям, где Макса на этот раз не было, и он, хотя и ответил на звонок мобильного, под каким-то предлогом, сославшись на дела, не захотел с ней встретиться. Это, я почувствовал, ее задело.

— А, все вы козлы, — сказала она мне, пряча мобильник в карман и уходя из комнаты, в которую она специально заходила, чтобы позвонить отдельно от остальных.

Ну как же, опять облом, а ей так хотелось быть вожаком стаи самцов, всеми желанной и снисходительной к ним, опять же беря за пример своих подруг, да и Иришку в ее молодые годы, воспоминаний о которой она от меня наслушалась, когда та своей интеллигентностью умела-таки все же держать людей вокруг себя, умела править бал, была нарасхват. Наташа также хотела всеми заправлять и манипулировать, а тут, видите ли, ее воздыхатель после проведенной с ней ночи не захотел с ее потенциальным женихом встретиться. Для того чтобы понять, чем надо привязывать к себе мужчин и какие содержатся тонкости в постельных отношениях мужчин и женщин, и на чем последние сказываются, у нее еще не хватало ни ума, ни дарования. Очень она была на него зла. Стала в гостях опять обниматься в углу с Петром, я сразу ушел домой к Иришке, куда следом сразу прибежала, язвически и озорно улыбаясь, Наташа с явным намерением что-то сказать и, дразня и оправдываясь в одно и то же время, коснулась моего плеча. Вернее, ткнула шутя пальцем. От чего, как от попытки проникновенности, я постарался резко и раздраженно отстраниться. И, Боша, ты не поверишь, что-то такое сразу произошло, что-то проскочило между нами, и ей вступило в сердце, какая-то невралгия от этого касания пронзила ее от пальцев до ребер под лопаткой, и Иришкиному Диме, как врачу, хорошо, что он это умел, пришлось ее от невралгии освобождать каким-то точечным массажем спины. И в конце концов освободил. И она поднялась с тахты, на которой лежала почти час, успокоенная. Но к моему неудовольствию и удивлению, нимало не насторожилась, ничего не поняла, не захотела понять, не задумалась, не испугалась. И пошла опять танцевать и обжиматься с милым, отмахнувшись от очевидности. Она же воин и должна идти до конца и ничего не бояться, воины не думают, они выполняют то, что ими уже однажды принято к исполнению, и поэтому после ночи задушевных разговоров с Иришкой, когда Иришка уже сомлела и отослала ее умываться и спать, Наташа хитростью, после того как Иришка уснула, спровадила Диму к Ире в постель, чем,

получается, нарушила принятую вечером расстановку сил и с торжествующим видом, очень довольная собой, не обращая внимания даже на то, что я проснулся и поднял голову с подушки на соседней кровати, пришла в нашу «мужскую» комнату и юркнула у меня на глазах к Петру под одеяло. Я, совершенно подавленный ее выходкой, не стал дожидаться, что они будут еще и обниматься, тотчас собрался и тихо, не прощаясь даже с Иришкой, уехал домой.

Так что они добирались одни на попутках.

Боша, все! Пора кончать!

Но опять ожидание, искушение. Она же будет скучать без меня. Будет звонить. Ведь у нее быть королевой не получится. И она останется в одиночестве, и будет у нее в запасе один лишь Петр.

А у меня будет непрерывный депрессивный психоз.

НАТАШКА ХАБАЛКА. ТО, ЧТО ОНА НЕ СО МНОЙ, ЭТО ПРОСТО ВЕЗЕНИЕ. ДА, ПРОВИДЕНИЕ ПРОСТО СПАСАЕТ МЕНЯ!

Боша, это я написал и повесил на стене своей комнаты.

А ведь нельзя мне ее брать в жены. Это же хабалка. Тонкость — это только отражение меня самого. А по сути своей — хабалка. Вульгарная примитивная хабалка. Это я ее возьму в жены — и потом ЭТО у меня будет дома!.. Господи, что ж я думал-то?!

Она говорит, что меня уважает. Да какое уважение! Понимая, что человек тебя любит и ревнует к сопернику, на его глазах, прямо перед его взором, в то время как он на тебя смотрит, забираться к сопернику в постель — это уважение? Причем это происходит в гостях, куда тебя с твоим придурком человек привез, где вас накормили праздничным ужином, развлекли, доставили удовольствие. И сделать такое все равно. Что это?

Какая тонкость, откуда? Просто хамство.

drugu

Боша, ей Бог послал раз в жизни настоящего человека, серьезного, состоявшегося и даже обеспеченного человека, мало того,

еще и любовь его, да и ее любовь тоже, и ведь больше у нее в жизни ничего не будет, со временем она это поймет. Это единственное, что у нее останется в жизни. Будет вот этот ма-разм, который происходит. Ничтожность существования. Когда я говорил ей, что секс (имелось в виду с Сергеем) — это единственное, что может поднять их из их трущобы выше, то я имел в виду: это когда любовь. А секс, какой у нее сложился с этим грифом, только примитивизирует ее и превращает в быдло. Она даже не оценила то, что к ней приходило. Давал же человеку Бог шанс!..

Боша, я устал страшно.

3

Но не унялась, какой-то кастинг стала проходить, не понял какой, то ли в продавщицы, то ли в рекламное агентство, промоу-тером в хороший магазин или еще куда-то, но главное, купилась на объявление о кастинге. Это ведь кастинг!.. И в выходной они пошли, с Петром за компанию, в арендованный фирмой дом культуры. Где было достаточно много девушек, и Петр, как парень, был чуть ли не единственным, и он кастинг прошел, что ему совершенно не требовалось, потому что он уже устроился на работу в казино крупье, в чем у него уже был, оказывается, опыт, и уходить оттуда не собирался; а она свое собеседование и проверочные ролевые игры — нет. В конце концов она не добрала каких-то баллов.

Так что Петр ее там победил.

Через три дня после того как расстались у Иришки, в течение которых я не отвечал на ее смски, она не выдержала и пришла ко мне домой. Чтобы сказать, конечно, что мириться со мной не собирается. Я продолжал быть очень злым и плохо разговаривал с ней, очень неприветливо. Она вспыхнула и ушла. Я позвонил ей, остановил, попросил вернуться и довез ее до дома. Она попросила *в долг*, я дал три тысячи, понимая, что зарплату на производстве еще не давали и им есть нечего, и расстался с ней

у парка. Сказав, что это как аванс за двести долларов за ночь. Больше я не заплачу.

Так сказать, злобная шутка.

На следующий день встретились на производстве. Она ведь у меня директор, куда с добром, директор предприятия-однодневки, которое возглавлять никто не решался. Она же, безбашенная, с радостью за эту должность взялась... Петька на работе до девяти, она свободна и готова со мной общаться.

Катались на машине, я допытывался, почему она так жестока, черства, невосприимчива. Она привела пример.

— Вот, получила от Сергея его фотографию на мобильник, бегу, радостная, к Петьке, чтобы показать. Но когда уже протянула телефон, понимаю, что ему ведь может быть неприятно...

Господи, хорошо уже, что стала замечать и осознавать...

А разговаривает по телефону с Сергеем все время, даже несколько раз ошиблась в разговоре с Петром, назвав его Сергеем. И ночью, рассказывала, несколько раз Сергеем назвала. Послала тому фотографии своей голой груди и попки. Чувствую, что лекцией своей ее опять расшевелил и заставил вспомнить ее прежнюю любовь. Хотя она и отрицает. Она боится Сергея, боится что опять «попадет с ним на отношения».

Боша, фильм был такой американский, про человека-муху, как человек прибор создал типа барокамеры, в котором он, разложив свою ДНК на гены, собирал и пересоздавал себя каждый раз в лучшем виде и здоровым, обновленным, но попала как-то в барокамеру муха и вошла в его цепочку ДНК, и он стал синкретичен с мухой. Так и я, когда формировал ее образ и наши с ней отношения еще зимой, я, как муху, запустил в барокамеру любовь к Сергею, и теперь наша с ней любовь включает Сергея по определению. Причем только к нам у нее любовь и есть, только к нам и осталась, во всех остальных случаях жизни она себе ее запретила и больше ведь любить не сможет, она это знает. И она совершенно правильно говорит, что я не могу ее спасти от Сергея, а вот Петька может. Для того чтобы уйти от воспоминаний о Сергее и влечения к нему, ей надо навсегда расстаться и со мной. Потому что мы с ним ей напоминаем друг о друге.

Вот, ей мужчинка скажет с утра из машины: вы красивы, девушка! И она этим питается весь день. День прожит не зря. Довольна.

— Тебе меня одного мало? — спрашивает Петр, — тебе твои 250 телефонов важнее?

— Да, важнее, — ответит она.

— Ну, тогда я ухожу.

— Ну и уходи.

И он встает и уходит. Но через час возвращается и начинает извиняться... А она и знала, что он вернется.

А утром разбудил ее, говорит:

— Ты что-то надумала? Или думаешь?

— Да так, ничего...

— Мы же договаривались все говорить друг другу.

— Да, — она поняла, что он спрашивает про любовь, он вечером от нее потребовал, чтобы она ему сказала, любит ли она его или нет, — я анализирую...

— А когда открыла глаза, вижу, что он обиделся, сижу себе курю, мне по фигу.

А сегодня скажу, что не люблю.

— Ты же говорила? — напоминаю я.

— Нет, это только в Воронеже говорила, когда к нему ездила.

А тут-то говорила, что люблю...

А сегодня ночью после выпитой бутылки вина разбушевалась дома и с Петром поругалась. Началось все со звонка Сергея в час ночи. С последовавшего разговора, уже с Петром, о ревности. И она заявила, что ей все по фигу, и если она не любит, то, видимо, и он тоже. Хотела даже, как он уснет, уйти из дома. Но заснула сама, не дождалась.

А я-то уж в глубине души обрадовался: ведь к кому она могла бы пойти еще в незнакомом городе?..

— А вы, таща меня в свой мир, тащили меня в мир немолодых людей, — этакий упрек, и вдруг осознаешь, насколько она все может воспринимать по-своему, даже и не предполагаешь, куда ее мыслительный процесс забросит...

— Каких немолодых! Да я вот как раз хотел тебя в театральный институт в Иришкином городе сводить к тамошним детишкам. В класс ее знакомого режиссера. Какие там ребята, как они

живут интересом, не только половым, что-то учат, что-то смотрят, что-то стараются сделать, подметить, воплотить, в энтузиазме, в интересе, чудо, а не дети!

Но ты ведь отказалась...

А на другой день она пришла на работу с прической кверху, как я всегда настаивал, и была очень красива, что многие отметили, и я любовался ею. И голос с утра был нежен. И я убедил ее поехать со мной в горы, там сейчас маральник цветет! Поехать в те места как в командировку, я вполне мог такое устроить. В командировку — это же не совсем со мной. И даже для родителей отговорка. Они же до сих пор считают, что Петр, как порядочный сын офицера (Боже мой, там такой офицер!), дав им слово, осуществляет только ее охрану от уличных бандитов и насильников, что для них, наивных, главное. А там ей его охрана не требуется, достаточно одного меня.

4

И она согласилась поехать через неделю. И так я и прожил неделю предвкушением отъезда.

Мы встречались, чтобы поговорить о делах, ездили на машине, она продолжала учиться вождению, уже на нашем производственном японском микроавтобусике с коробкой передач, который и был тут в моем распоряжении, обедали, я возил ее к реке, она мне рассказывала какой-нибудь свой сон, кстати, вот про них с Петькой... Как она выходит, например, за него замуж. Они регистрируются. Появляется Сергей и идет к ней. Я тебя прощаю, говорит, пойдём со мной. — Я беременна, отвечает она. Я тебя все равно прощаю. Тут появляется Петр и начинает драться...

А вот еще: проснулась она, открыла глаза и обнаружила себя в каком-то незнакомом месте, деревянные дома, деревья. Не может совершенно понять, что это и где, но ей покойно и хорошо. Даже удивляется. Думает, где же ее родители, где все, беспокоится, что никого нет, и в то же время ей покойно и хорошо. Что это, спрашивает кого-то. Ей отвечают: ты умерла. Так это рай? — говорит. — А можно я вернусь, скажу, что тут так покой-

но и хорошо, чтобы мама знала, что Машеньке хорошо здесь. Нет, так нельзя, — отвечают... Но в конце концов она как-то договорилась и спустилась в другом теле, только под глазом шрамик меньше. Приходит домой, и мама ее не узнает, но в конце концов по шрамику узнала.

— Потом папе говорю: это же я, я!..

В среду утром она недомогала, я взял ее из дома, приободрил, попытался развеселить; когда я не строю из себя обиженного и стараюсь шутить, она всегда на это охотно отзывается. Немного взбодрилась. Поехали на работу, она описала иностранных граждан. Съездили в налоговую, она опять за рулем, обратно возвращаемся, она призналась: вот с вами я могу поговорить, а с Петькой такая скука!..

Вечером купил ей в супермаркете на шесть тысяч парфюмерии. У нее просто туш для ресниц кончилась, и мы зашли в магазин, и я ей еще кое-чего купил. Она коснулась моего плеча рукой, благодаря.

— Спасибо вам, конечно, но если бы мама узнала, что я косметики купила на шесть тысяч!.. Люди на эти деньги мясц живут.

И когда прощались, не поцеловала меня. Чтобы не снизить планку. И я не полез целоваться. И мы поняли друг друга.

Nadezhde

Конечно, он мне дает денег, не спорю. И, конечно, он даст много, если его разжалобить. Иногда я расскажу что-нибудь такое жалостливое, и он подкинет тысячи две-три рублей, и мы живем с Петькой неделю. Например, чтобы сделать мне какие-то там офигенные пломбы в зубах, он потратил уже больше тысячи долларов. Кстати, и квартиру тоже ведь он оплачивает, если уж до конца быть честной. Мы-то ведь пока еще не заработали.

Но не в деньгах главное. Ты ведь знаешь меня. Главное — это свобода. Главное, к чему я стремилась и что через него получила. Среди каких-то его книг я прочла: «Это сладкое слово — свобода!». Это надо прожить с моим отцом всю жизнь, чтобы

до конца понять смысл этого слова. Свобода! Это так здорово, это такое счастье! И черт с ним, пусть будут только рожки на завтрак, обед и ужин, пусть я буду жить с каким-то суррогатным мужем, хоть он тебе и очень нравится, даже внешне, не буду пока спорить, но главная моя благодарность Александру Борисовичу за то, что он невольно явился тем средством, благодаря которому я выбралась из-под постоянного родительского надзора. Когда вспоминаю об этом надзоре, как подумую о нем, я даже начинаю Александра Борисовича любить.

И в то же время я поступила правильно. Я сделала правильный выбор. Сегодня у станции метро, к которой он меня подвез (я ездила описывать узбеков на производстве, я ведь теперь директор!), мы натолкнулись на парочку молодых обнимающихся парня и девушку, и так они красиво смотрелись, что вся толпа глазела на них.

«Вы все же не понимаете, — сказала я, — у нас нет перспективы».

На что он ответил: «Я все понимаю, и больше тебя понимаю, что у нас не может быть клипа, и от этого страдаю, что мы не будем никогда выглядеть, как в кино, что я этого не в состоянии тебе дать...».

А ведь я даже и не говорила об этой парочке ничего. Он понял все только по одному моему на них взгляду.

Глава 2

1

drugu

Хочу спросить, стало ли ей хорошо с ним в постели. Если да, то мне все равно нужно это для честного анализа, и чтобы меня не жалела. Если да, то, что бы я ни делал, в какие бы театры ни водил, как бы ее культурным ростом ни занимался, за один половой акт она приравнивается все равно к его уровню, сплющивается до него, и вся широта ее диапазона становится тождественной его, казарменному. Она сама сказала, что из глаз у нее исчезла невинность, сама обратила на это внимание. Это показатель. Раньше она могла быть и такой, и такой. Она была широка. А сейчас... Ведь половой акт — это определяющая вещь. Ночная кукушка всегда дневную перекукует. И меня больше всего угнетает, в ужас приводит: а вдруг это необратимо?!

За один половой акт она сразу сплющивается до его уровня. Он не виноват. Она виновата, что выбрала его для спанья.

Попка уже не твердая. Грудь не острая, как была месяц назад, когда она пришла от Макса и показала ее мне, а круглая и тупая, как шары у шлюхи. Большие груди шлюхи.

И глаза!..

Нельзя спать без любви!

Это просто делает ее секс-машиной.

milashke

У тебя единственная любовь сейчас осталась, это я. Тебе, конечно, жутко в это поверить и в этом себе признаться, потому что ведь насколько старше тебя человек! Но мы всегда проходим мимо своей любви. Любовь не выбирает. Мы все хотим любить, как любят другие, как в клипе, как в кино, как в прочитанной книжке, как у подруг, а свою любовь не видим, не ценим. А ведь любовь не внешняя картинка, это внутреннее. Это сокровенно, это тебе дарится всегда совершенно в незнакомом виде, потому-то это твое и есть, а мы проходим мимо, не желая верить, что это любовь.

В чужих руках кусок всегда больше кажется...

milashke

У меня к тебе предложение. Уходи все же ко мне. Ты будешь просыпаться в моей постели. Я достигну своего и буду счастлив. У меня все станет хорошо, наконец пойдут удачи, деньги. Но ты останешься все равно свободна. Я знаю, что ты не будешь вести себя как шлюха. Я уже убедился, что ты даже своему временному птушнику хранишь верность. Вызывает уважение. Пусть даже это и приносит мне столько страданий. Я думаю, что ты не слетишь с катушек и со мной. Но даже если я решусь жениться на тебе, что не исключено, и ты согласишься, ты все равно будешь свободна. Если влюбишься, уходи. Ты даже можешь выйти замуж за кого-то. Ты остаешься свободна. Не пугай себя тем, что это навечно, и что ты обречена. Хотя я знаю, что ты все равно будешь всегда скучать без меня и стремиться ко мне. Это-то как раз, если не на всю жизнь — не будем замахиваться на вечность, — но, по крайней мере, очень надолго. Что-то с нами произошло в эту зиму. Я в тебя что-то вдунул, часть своей души вдунул, и теперь эти части наших душ без конца стремятся друг к другу.

Но со мной ты будешь красива. Останешься красивой. Я, разумеется, все сделаю, чтобы ты оставалась такой. Ты будешь востребована в более лучших, интересных кругах. У тебя будет содержательная жизнь. Клипы ты можешь себе позволять, пробовать всяких мальчиков, там, куда я тебя введу, и мальчиков будет полно. Мало с кем ты сможешь найти такое понимание, как со мной, тем не менее ты свободна, пробуй, обламывайся, но если не находится ничего существенного, продолжай возвращаться ко мне.

А уж как интересно твоей авантюрной натуре станет жить! Не только тем, чтобы в один день всего-навсего вдруг блондинкой заделаться или в младенчестве компот продавать на базаре в своей Азии, разлитый в бутылочки, который вы с подружками стащили у мамы, чтобы организовать свой бизнес. А вот чтобы директором быть, скажем. В двадцать-то лет. Ты меня связываешь по рукам и ногам своим поведением и моей вынужденностью без конца ждать, ждать и ждать. Мы бы давно уже побывали где придется. Давно бы отмочили какую-нибудь авантюру похлеще. Я бы с удовольствием использовал твои данные и твою красоту. Скажем, помнишь, мы говорили о певице Славе и ее гражданском муже. Что-то из этой области могло быть. У меня руки чешутся что-то с тобой такое «замутить». Но без меня ты никакой серьезной авантюрой сама заняться не сможешь, нет образования, нет возможностей, без моей любви (вообще без любви) никто тебя в авантюру не вовлечет. Только в постель. Это предел авантюры всех боссов (к которым ты меня постоянно причисляешь и за что отчитываешь). Мне-то нужны и другие твои данные, я ведь, повторяю, эксплуататор, я чувствую, что человек может и какая от него может быть максимальная польза. Половина моего предприятия состоит из мной выращенных. Чаще всего эти эксплуатируемые сбегают от меня и начинают использовать свои обнаруженные мной в них возможности самостоятельно (зачастую от гордости или жадности, и, кстати, самостоятельно-то у них не всегда хорошо получается), но моя способность видеть их, эти возможности, во мне все равно есть. Не упusti ее. Как бы интересно нам было жить!

Просто духовно и наставнически я уже быть с тобой не в состоянии, поскольку у нас это, другое, уже было, и я не могу уже твоё тело из наших отношений исключить. Ты решила это пресечь, сбежала от этого, испугалась чего-то в себе или чего-то еще... Но отнесись и к этому тоже как к аванюре. Что мы там недоиграли? Это же интересно! Бог знает, что во всем этом может быть! Вот я, как это говорилось у знакомого тебе уже Бернарда Шоу, уйду в лес и зарююсь в листья, ты наконец свое тяготение ко мне изживешь, но мы так никогда и не узнаем, что во всем это содержалось. И не пожалеешь ли ты даже сама много позже, что так и не узнала, что на дне этой шкатулки лежало? Ну, скуч-

но же себе такие разгадки запрещать, причем, когда ты остаешься свободна...

Но хорошо с ним в постели у нее не было. И я уже готовил машину и вещи, чтобы ехать с ней в горы в предвкушении нашей недельной командировки, но тест показал две полоски, все окончательно прояснилось, она удостоверилась в своей беременности и, сообщив об этом мне, ну и подругам, видимо, своим, стала жить уже совсем другими заботами.

2

Тест показал две полоски. И мало того еще там оказалась и кровь. Петра дома не было, в казино была его смена, и в консультацию отвозил ее я. Ее послали на УЗИ. С УЗИ послали на рентген. Рентген тоже что-то показал. Доктора подозревали сначала внematочную, от такого известия Наташа вообще чуть не упала в обморок. Но потом оказалось, что это отслоение. Повышенный тонус, еще что-то, и рекомендовали в виду опасности выкидыша сохранение. Я ждал ее около больницы несколько часов. Она вышла просто в истерике, в панике.

— Это меня бог наказывает, — сказала она. — Я ведь так и не исповедалась... Цыганка мне нагадала еще, что у меня первый ребенок умрет...

— Не собирай все в кучу, — постарался успокоить ее я и усадил в машину.

— Это мне все наказание за аборт. Ведь у меня был аборт! Был, от Сергея я его делала! Я вам просто не говорила, чтобы вы меня совсем не презирали.

— Когда ты успела?

— Перед его уходом в армию.

— Говоря тебе об абортах, я не собирался тебя судить.

— Вы сказали, и правильно совсем, что аборт делать — это преступление! — глаза у нее были сухи, слез не было, но взгляд воспаленный.

— Я сказал так, потому что думал, ты девственница, и хотел тебя просто предостеречь.

— Да, я знаю, что самый опасный аборт — первый. У меня теперь может вообще не быть детей!

— Успокойся, может быть, еще и сохранится твой ребенок. И цыганку выкинь из головы, считай, что первый твой ребенок пришелся как раз на аборт и уже умер. И ты не о наказании думай, ты думай о нем, о живом.

— Я уже Сергею говорила, что яичко ему отрезали — это нам возмездие за грех. Я ведь делала аборт, чтобы не выходить за него. Ведь на аборт я даже сама деньги зарабатывала. А потом, когда в армию к нему ездила, поняв, что сделала неправильно, даже специально старалась опять забеременеть, хотя все равно не думала за него замуж выходить, родила бы так, но у нас ничего не получилось. А теперь мне еще вот наказание!..

— Не впадай в истерику, разберемся.

И я повез ее в другую больницу. Но так как у нее полиса не оказалось, мне пришлось использовать свои старые связи, привлечь знакомых людей, и я постарался выбрать лучшее из того, что было предложено. Загородная медсанчасть. Кстати, и жена у меня в этой медсанчасти рожала. Мы во время ее беременности в этом городе жили.

— Как все действительно повторяется, — сказала Наташа в приемном покое.

— Да, повторяется все до последнего. Все по моей программе... А когда ты успела залететь?

Оформление происходило не быстро, и у нас было много времени для разговора.

— Я Петьке сказала, чтобы он не предохранялся.

— Зачем?

— Я сама захотела. Он меня поймал на «не люблю». Я ему сама хотела сказать, что его не люблю, и неделю готовилась, а он меня опередил и сказал это первый. И сказал, что так же, как и я, всегда эгоистично относился к девушкам, всегда вел с ними борьбу, завоевывал, всякие крючки и приемы применял и потребительски девушек использовал.

— И это так совпало с тем, что делаешь всегда ты. И ты решила, что вы с ним родственные души? И что у вас с ним духовная связь?

— Да, он тогда сильно на меня этим подействовал. Мы весь день в то воскресенье не выходили из дома.

— Это ты так себе духовную общность накачиваешь?

— Можно сказать и так. Но был даже такой момент, знаете, сидим мы как-то в один из дней дома, читаем, то есть и он читает, и я ведь читаю тоже! Как в читалке. Бред какой-то!.. Вдруг посмотрим друг на друга и как расхохочемся!

— Это уже нечто... Так это у вас, получается, любовь? Ты именно в то воскресенье со мной в театр отказалась идти?..

— Наверное...

— Знаешь, все повторяется один к одному. Я тебя уверяю, все хорошо будет с твоим ребенком. В моей программе, касающейся моих милых дам, осечек не бывает. Ты подвержена моему внушению, запугана мной абортами до такой степени, что боишься уже, что у тебя детей больше не будет, и готова родить от кого угодно. Но я ведь могу внушить тебе и другое, оптимистичное. У меня это постоянно происходит. Не беспокойся, все будет хорошо. У тех женщин, от которых я всегда хотел иметь детей, как на смех, с детьми все обстояло наилучшим образом. Они всегда благополучно рожали. Правда, не от меня. Не робей, все у тебя будет хорошо с твоим ребенком.

— Разве отец ребенка мог бы сделать все то, что вы для меня сейчас делаете?

— Не болтай, это ты так оплачиваешь мою заботу. Считай, что я оценил твою благодарность. И давай не будем лишний раз упрекать друг друга в практицизме.

— Нет, это я искренне говорю.

— А если искренне, то ты не представляешь даже, сколько у меня в голове роится сейчас гневных мыслей в адрес твоего ничего не могущего и совершенно безответственного отца ребенка и, главное, всей твоей семьи, отца и матери, которые бросили девочку, это мое сокровище, под какое-то первое попавшееся тупоголовое быдло. Как я их с этим их домостроем сейчас ненавижу! Ты даже не представляешь, как во мне все кипит!

— Ничего не думаешь, рассудок на уровне тринадцатилетнего ребенка!

А ей все равно, Боша, на самом деле, ей все по фигу, она смотрит уже куда-то внутрь себя.

milashke

Зайка, меня осенило, как ты потупела. Времени у тебя сейчас, валяющейся в постели, будет предостаточно, так что ты об этом подумай.

А то, что ты стала туповата, это очевидно. Я все удивлялся, как ты без меня еще и глупа стала. Груба, невоспитанна, опять неотесанна с Петром стала, подурнела, а тут еще и глупа. Понятно теперь, что это еще и физиологический процесс, теперешнее твое положение тупит тебя произвольно, но ведь это еще и его заслуга.

Я же говорил тебе, что он тебя обхитрит. У него была цель тебя привязать и приземлить — и вот, пожалуйста, ребенок. И потом все ваши отношения — это был спор, игра, кроссворды, кто кого победит, и вот он сделал тебя глупой. Он тебя победил не только в шашках, но и во всех отношениях, многократно доказав тебе, что он лучше и умнее. И ты сдалась. Вспомни, я-то тебя всегда убеждал, что ты умная, ты умная и становилась. А тут наоборот. И ты, чтобы это горе преодолеть, — самолюбие твое и гордость в таких случаях всегда в тебе протестуют — решила еще больше усугубить положение и покрасилась даже в блондинку. Как ты всегда умеешь делать от внутренней застенчивости, решила посмеяться над собой и освободить себя от проблем, отнестись к своему потупению легко. И стала на самом деле дурой. Поговорить с тобой уже редко можно о чем-то серьезном.

Стала попадаться на такие штучки, как то, что он называл тебя, начальника на работе, «шефом», заставляя получать мелкое глупое удовлетворение, как последнюю дуру (Боже мой, всюду повывезли твои слабости)!..

Она лежала в больнице, компьютера там у нее не было, и читать письма она не могла. Поэтому я, каждый день приезжая ее навестить и привозя фруктов, а то и увозя куда-нибудь в город, включал в машину ноутбук и давай ей прочесть написанное на компьютере.

milashke

Я всегда подчеркивал: то, что я говорю, либо осуществится, либо это является правдой. Ты всегда возражала против моих «предреканий», но именно так все равно и происходило. Надо

тебе честно признаться в этом. Поэтому и будущее я тебе тоже обозначаю с огромной долей ожидаемости. Я тоже неуверенный человек, когда мне что-то «вштыривает» в голову, я говорю это, но потом начинаю сомневаться сам же в сказанном. И часто напрасно. Я вот рассказал тебе свой сон про медведя, помнишь, про то, с какой силой и умопомрачением ты можешь любить и что ты любишь меня именно так. И конечно, сам засомневался в этом, сразу сказав тебе, что это преувеличение. Но на самом-то деле ты меня так и любила. Со временем, через много лет ты поймешь, что это и была настоящая любовь. Может быть, это единственная настоящая и будет за всю твою жизнь. Ценность наших отношений ты осознаешь не сразу, я думаю, начнешь осознавать после рождения первого ребенка. А там, когда телесное приестся, ты начнешь задумываться чаще, а потом решишь, что в жизни это был у тебя единственный случай.

Иногда мне кажется, что ты слишком любила меня, чтобы решиться меня собою обременить. В этом есть, конечно, смысл, слишком ты трудна, особенно в теперешнем отвязном состоянии, для интеллигентского пользования, хотя впрочем, ты очень восприимчива, и тебя, вообще-то, можно было во что угодно превратить. Правда, не верится, что ты уж так можешь о ком-то, кроме себя любимой, думать, но сдается, мысли тебя такие посещали. Конечно, когда ты была умна. Если были, то спасибо тебе за них.

Сейчас тобой владеет тело, вернее, овладело тобой только тело, и желания у тебя только на телесном уровне. А с беременностью это только усилится, область тела все в свои руки в тебе заберет, даже душу. Это тоже ПТУшный уровень, который в определенный момент всем свойствен. Когда, кроме тела, ничего не видится и не ожидается и, главное, не нужно. И думать ты будешь девять месяцев только о физиологических функциях своего организма, о животе, о запорах, об аллергиях и внутриутробной жидкости. Но чтобы стать матерью, это приходится пройти.

Я думаю, что ты выйдешь за Петра замуж. Он считает, что уже не только пометил тебя, но и застолбил и ты никуда от него не денешься. Не переживай, он не сбежит и тебя замуж возьмет. Он ведь еще себя соперником моим мыслит и со мной борется. Я как усилитель его стремлений к тебе еще выступаю. Так что тут промашки никакой не будет. Потом некоторое время по крайней мере, время

беременности, ты будешь ему верна, будешь рассуждать семейными категориями, будешь строить гнездо. Постараешься забыть меня, будешь избегать мыслей обо мне, будешь доказывать себе, что ты без меня можешь. Забудешь даже меня. И обрадуешься, что, оказывается, без меня жить можно. Будешь прислушиваться только к своему телу и находить весь мир в себе самой и с умилением думать о себе как о центре мироздания. Ты будешь занята самым главным делом своей жизни. Вспомнишь обо мне ты позже.

Потом тебя бросит в распутство. Ты будешь наверстывать, развратничать, грубеть и катиться вниз. Изменять мужу. Кстати, альфонса своего ты бросишь. Будешь делать аборт. Уверяю, тебя уже не будет настораживать риск того, что у тебя больше никогда не будет детей. Ты будешь считать, что еще успеешь. Деторождение ты начнешь планировать, а там и избегать. Будешь ревновать мужа, какого-нибудь очередного, следить за каждым его шагом, потому что сама же будешь ему наставлять рога. Будешь скандалить. А потом опять разведешься. И вообще будешь гражданским браком жить. И когда начнешь получать удовольствие от секса, то может статься, получать его будет уже не с кем. Да и получать его в то же время ты будешь не столько с помощью мужчин, сколько с помощью самой себя. Мужчины в большей степени будут лишь предметами или, лучше сказать, инструментами поисков чего-то неуловимого в жизни, что ты — такое вполне вероятно — так и не уловишь никогда.

Но ребенок все искупает, так что будет у тебя, девочка, свое счастье...

4

В посещении больницы мы с Петром составляли определенную очередность. Во-первых, чтобы не сталкиваться, во-вторых, он работал через день в своем казино, и поэтому я являлся, когда у Наташи его не было. Я стал возить ее куда-нибудь на берег реки, по дороге подолгу держа руку на ее животе, почему-то считая, что это для ребенка полезно.

Я забирал ее из больницы часов в двенадцать, мы обедали в каком-нибудь кафе, потом катались, ехали в парк или шли в кино, меня поражало и очаровывало, что она стала совершенно не кокетлива и забыла абсолютно все комплексы. Еще неделю на-

зад стеснялась на улице быть без темных очков, если была не накрашена, а тут в одном каком-то платишке, напоминающем вообще ночную рубашку, в которой она лежала на постели в больнице и в которой выходила ко мне в приемный покой, абсолютно без всякой косметики она ходила и в кафе, и в кинотеатр, ничего не стесняясь и являя всюду без грима свой милый невинный лик. Напросилась в кино по рекламе на «Кун фу панда». Я бы эту мультипликацию никогда не посмотрел, и спасибо ей за то, что она сходить на него меня уговорила. Фильм оказался прекрасный. И с подтекстом, и с философией, и какое чудо была Наташа, когда комментировала его и делилась со мной мыслями, что приходили ей в голову во время просмотра. Например, сказала про каких-то зверят, что они похожи на ПТУшников. Потом сказала, что нельзя любить так сильно детей, это делает их эгоистами.

— Это про меня на сто процентов, — сказала она.

Положила совершенно невинно на мой локоть свою руку.

Я подарил ей на прощание цветы и сказал: «Береги себя. Мне будет без тебя так пусто в мире».

drugu

Материнство — это ведь так хорошо. Не может быть более спокойного, безмятежного любящего и красивого выражение лица, чем у матерей и беременных женщин. Вот она, Боша, вождельная наша нирвана, долгожданный для нас покой, это умиротворенное созерцание плода внутри себя, прислушивание к току и развитию жизни. Смирение себя во всем, укрощение всех страстей и черт характера, которые теряют свою значимость по сравнению с тем, что в этот момент происходит в их Божественной космической глубине.

Она уже только своим ребенком живет. Обо мне, я полагаю, уже вообще не думает. Я полагаю, что и о будущем муже тоже. Если и думает о нем, то только как о практической поддержке. .

drugu

Боша, прочь отлетели все ее лидерские замашки, драчливость, все наносное и пустое. И ходит как ангел, честное слово.

Я иногда все же завожусь по старой памяти, и меня несет по волнам ревности петь старую песню. Мямлю что-нибудь о том, что настоящая порядочная женщина за такую самоотверженную любовь,

какую проявляет к ней мужчина, за преданность, за неустанную заботу о ней, за страдания из-за нее, за преодоление ревности давно бы уже что-нибудь дала этому мужчине. Как в «Миллионе алых роз».

«В ночь ее поезд увез... но в ее жизни была... песня безумная роз...»

Но это ей уже совершенно неинтересно.

Знаешь, что ответила?..

— А я вам уже дала. Авансом, а сейчас только пользуюсь этими лепесточками...

Скажи! Ведь не возразишь абсолютно ничего...

Говорит, что ребенок все видит, а так я буду перед ним чиста — даже не целуется со мной теперь.

Я говорю, ребенок у тебя и развиваться стал хорошо и отслоение твое прошло не от лекарств и не потому, что ты в больницу попала, а потому что я у тебя на животе руку подержал, помнишь, долго держал, когда в больницу вез в первый раз, а ты в истерике билась?.. Руку самоотверженно любящего человека — это я постоянно для нее повторяю — причем самоотверженно любящего и твоего ребенка уже, хотя он и не от него. Без всякой ревности к твоим мужланам! Один из которых сейчас активно изображает из себя победителя, единственное, чем занят все последнее время. Эта кроха, как ты предполагаешь, девочка, с ее ста двадцатью семью ударами пульса в минуту, с шевелящимися уже ручонками и ножонками, гораздо более чувствительна и понимающая, чем ты, и вообще единственная из всех вас троих, кто понимает ту Божескую любовь, которая через меня проходит, она сейчас понимает космически все, эта кроха давно бы уже дала мне, — рассуждает она уже там внутри, — из одной только благодарности и из понимания этой любви. По крайней мере предложила бы уже. Но не вы, не ты, ты совсем тупа стала, совсем тупица, и не понимаешь ни любви, ни даже того, что я рукой своей любящей делаю. Только принимаешь все как должное и само собой разумеющееся, подтверждая ваш разрекламированный на каждом углу новыми средствами массовой информации девиз женской натуры: себе любимой! Который теперь, вообще-то, вполне уместен в твоём положении.

А она только скажет в ответ:

— Собралась даже вчера сварить ему суп. Утром поругались, вечером пожалела. Как меня только родители терпели всю жизнь?

Впрочем, это уже несколько позже, когда она вышла из больницы...

— Вы правы про потупение, — говорит она, сейчас совершенно легко признавая свою ущербность, — я на самом деле как колбочка. С кем общаюсь, такой и становлюсь. Сейчас я иногда даже ловлю себя на том, что не могу рассуждать. То все нормально, а то вдруг не могу думать целый день и злюсь так на себя...

Кстати, у нее всю жизнь пульс 90, это нормальный пульс, а температура 36,4, это тоже для нее норма, и выше не поднимается. А 37 — она уже при смерти, хотя никто на это никогда и не обратит внимания. И тут что-то удивительное. Лошадиное здоровье при всех перекосах ее организма. Или вот ее в жизни ни разу даже не рвало. Ее в принципе не может стошнить. При мне гнилую фисташку съела, и ведь не смогла даже сплюнуть. Говорит, не получается!.. Все равно проглотила!

Только лег отдохнуть после работы, позвонил Петр и сказал:

— Извините меня, Александр Борисович, я был свинья.

Я молчу.

— Вы гораздо больше делаете для Наташи, чем я.

— Ну и зачем ты мне это говоришь? — спрашиваю я, не сумев скрыть свое раздражение.

— Считаю, что должен был сказать вам это.

— Хорошо, принял к сведению, — пробурчал я и положил трубку.

И так разозлился, что даже сон прошел, хотя я и задремал у себя дома.

Как бы там ни было, иногда накатывают просто счастливые минуты от понимания, от осознания, что я свободен. Свободен от своей любви. То есть уже нет мук, нет депрессии, нет помрачения, одержимости. Дождался времени, когда наваждение стало проходить. Начал осознавать, что покой — главное. На убыль пошло после летнего солнцестояния мое половое. И не надо даже замены. Просто покой. Как хорошо! Все равно, конечно, думаю часто о ней, и все чаще наедине с собой, но вслух, дискутирую с родителями

и упрекаю их за то, до какой степени они опустили своего ребенка, что сделали с ним, благословив на подобное предприятие. Вы все о нравственности ее думаете, — говорю я им вслух как последний невротик, — не худо было бы, чтобы кто-то подумал и о теле. Ведь именно я занимался здоровьем Наташи все эти месяцы. Кстати, для беременности все это пригодилось. Но благодарности не получил. Даже от мамы Лены только ревностные замечания, что я, де, не те очки купил, что-то не так сделал, одно, другое, что вообще не надо было ничего делать. А то, что они, потратив много лет в ее молодые годы на ее лечение, теперь ее забросили и сбывли с рук какому-то охламону, это они во внимание не берут. И зубы запустили! Шесть штук пришлось пломбировать. Сейчас один остался...

И что бы там ни было, дают, видимо, о себе знать трехмесячное утомление и депрессия. Иногда засыпаю теперь сидя. Чуть в парикмахерской сегодня, Боша, не уснул. Был на собрании своего предприятия и там испытывал непреодолимые приступы сонливости. Когда ловишь свою голову на том, что она готова уже на грудь упасть. Потом резко спохватываешься, вскидываешься и держишь усилием воли. А потом опять задремываешь с открытыми глазами.

Я помню, то же самое происходило при последней жене. Когда она приехала сюда уже носить ребенка, я возил ее на природу и засыпал везде, только бросив спальник на землю. Тогда ведь тоже был бурный период любви, потом депрессия и выматывающая ревность и общение со стервой; на производстве тоже было напряженно, как и в эту весну, а потом, когда все уладилось и утихомирилось, я все время хотел спать. Видимо, расплата. И темные круги под глазами.

Когда Наташа шла в магазин, я давал ей свой кошелек. Сначала она не брала его, стеснялась. А один раз бросил ей в сумочку тысячу рублей, просто подсунул, так она оскорбилась! Так, оказывается, нельзя давать!.. Это для нее какие-то существенные деньги, о которых даже не стоило бы и говорить...

А другой раз отказалась, чтобы я ей дорогие сережки купил. Свои дешевые она потеряла, но, чтобы не зарастали уши, какие-то ей нужно было носить. И я сразу потащил ее в золотой отдел, но она удовлетворилась какой-то дешевой безвкусной бижутерией, еще и поставив меня в неловкое положение перед продавцами в ювелирном отделе.

Глава 3

1

Когда я смеялся последний раз? Она научила меня смеху. Я рассказывал старые анекдоты, которые уже опять воспринимаются как новые. И мы смеялись над ними вместе и с огромной охотой. Я здоровье черпал через нее.

Как смеялся их Гарик Харламов в дурацком фильме «Самый лучший фильм», когда гаишник попросил у него документы!

— Документы? — переспросил Харламов и повернулся к Гаспаряну, сидящему рядом, — у нас есть документы?

И опять к гаишнику:

— Что вы спросили, документы?

И в конце концов начали хохотать. Во-первых, сразу вспоминаются девяностые годы с отсутствием всякой законности, а во-вторых, вот этот хохот, это что-то невообразимое, хохотать они умеют. Хохотали они потом даже с этим же милиционером, сидящим уже среди них на заднем сиденье и ухохатывающимся, как и они. Талантливые...

Вчера после рассуждений уже не о любви, а только о дружбе она, однако, посоветовала мне купить черный костюм, коричневый пиджак, говорит, вас старит.

И точно так же попадаете на ревности, если о какой-то женщине пойдет речь.

Продолжаю любить девушек. Вот глупышка переходит через дорогу по пешеходному переходу, задрал носик и опустил ресницы, считая, что она очаровательна и что все водители, сидящие в машинах, все поголовно смотрят на нее. И ведь где-то она права, в своей непосредственной наивности, в свое глупом самомнении она на самом деле очаровательна.

Когда Петр получил зарплату в казино, он потерялся. С отключенным телефоном он не появлялся после работы дома три часа. И Наташа — к тому времени она уже вышла из больницы — не могла найти себе места, в панике и со слезами (!) звонила мне и просила помочь в поисках. И я уже, пересиливая раздражение, собрался ехать за ней и везти ее в казино, чтобы начинать расспросы. Но она позвонила и сказала, что он пришел. Говорит, подрался, потому что ему выплатили всего четвертую часть зарплаты против той, на какую договаривались. Но эта ее паника мне сильно запомнилась. Ведь любит! Болеет за него, переживает и любит? Я так позавидовал. Из-за меня-то она никогда не плакала.

— Неправда, плакала и из-за вас, — утешила она меня.

Ну и остается только сказать, что они уехали расписываться и устраивать свадьбу обратно в свой поселок, к ее отцу и матери. Я ей послал достаточно дорогой свадебный подарок, правда, после свадьбы, чтобы не привлекать к себе внимания, но сам на свадьбу, конечно, не явился, хотя она и очень настаивала. Последнее, что я сделал, это написал ей письмо, где предложил ее украсть со свадьбы и написал, что, если она решит, что без меня жить не сможет, пусть только позвонит, и я куплю ей электронный билет, и ей останется только приехать в аэропорт, чтобы улететь ко мне, где бы я в это время ни находился. Я ее всегда встречу.

Но она не позвонила и не ответила.

Теперь она живет своей жизнью.